

Русский Гуманитарный Интернет Университет

БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

WWW.I-U.RU

Ю. Г. Запрудский. Конфликт и политика: новые перспективы //
// Современная конфликтология в контексте культуры мира. Москва, 2001. СС.
92-101

Современный мир в своем развитии стал более взаимозависимым, динамичным, инновационным. Все чаще в этой связи говорят о глобализации общественных процессов, подразумевая возросшую открытость и интернационализацию мирового сообщества, формирование постиндустриального, технотронного общества. Действительно, изменения в общественном развитии происходят заметные, однако, все они разворачиваются на прежней основе. Человек в своем развитии устойчиво сохраняет первоначальные задатки и свойства собственной природы. Отсюда обостряющееся противоречие, которое возбуждает некоторое чувство неуверенности или, по крайней мере, неоднозначности последствий наметившихся тенденций. Дэниел Белл, автор теории постиндустриального общества, оказался прав в своих предчувствиях будущего. В отношении индустриального общества он говорил, что для этой эпохи характерно торжество «рациональности и прогресса», а для постиндустриализма характерны – «страх и трепет».

Для большинства населения планеты будущее в самом деле не представляется безоблачным, ясным, счастливым. Неконтролируемый рост народонаселения, значительно опережающий производство предметов потребления, приходится на обширные территории так называемой мировой периферии, где и без того уровень жизни на грани выживания. Здесь же наиболее остры экологические проблемы, ибо нет средств на осуществление природоохранных мероприятий, здесь же наиболее сильна зависимость (экономическая, информационная, военно-политическая) от высокоразвитых стран мира. Такое положение характерно не только для населения периферии, понимаемой в географическом смысле. Своя периферия есть и в социальном отношении. В мире нет такого большого города, такой высокоразвитой страны, где бы жизнь отдельных категорий населения не отличалась разительным образом. В благополучной европейской столице также есть свои изгои, свои униженные и обездоленные, жизнь которых ничуть не лучше, чем у населения беднейших стран.

В развитых странах мира немало собственных проблем. Внедрение автоматизации и электронных технологии существенно сокращает число рабочих мест. Безработица не только отрицательно сказывается на материальном положении тех, кто лишился работы, но и существенно «давит» на психику, причем даже тех, кто пока имеет работу. Само наличие безработицы, факт ее существования подрывает основы социального благополучия, наполняет жизнь большого числа людей тягостными, мрачными предчувствиями, несмотря на относительно высокий уровень общего материального достатка. Япония еще как-то справляется с последствиями роботизации благодаря уникальности своих фирм, а США и Европа вынуждены искусственно притормаживать этот процесс, опасаясь больших социальных потрясений.

Растущую тревогу вызывает состояние финансовой системы. Мировые финансовые потоки все больше приобретают виртуальный характер. В начале 70-х годов США отказались от золотовалютного стандарта, что было пусть и не слишком совершенным, но более-менее устойчивым мерилom оценки денег. Современные, так называемые «фантомные деньги», не только ничем не обеспечены, но и не материализованы привычным образом. В случае их затребования кредиторами, они просто не смогут быть выплачены. А это огромные суммы. Ежедневный объем финансовых транзакций через международные компьютерные сети достигает 1 трлн долларов.

Разъедающее воздействие на социальную ткань так называемых благополучных обществ оказывают старые-новые пороки. Увеличиваются масштабы криминализации, растет число взломщиков банковских компьютерных кодов, не приносит ожидаемых результатов борьба с незаконной торговлей оружием, с наркобизнесом, с нелегальной иммиграцией, которая все больше становится похожа на современную разновидность работорговли.

Существуют примеры беспокоящих тенденций развития общемировых процессов. Сегодня в мире небывалое значение приобрели всевозможные транснациональные корпорации

(ТНК) и различные международные организации, большинство из которых фактически нелегитимны: ВТО, МВФ, ГАТТ, НАТО. Это, по существу, корпорации чиновников, которых никто не избирал. Они приобретают все большую независимость и чрезмерные амбиции. Их деятельность существенно влияет на положение дел в мировом сообществе. Легитимные организации типа ООН, ОБСЕ часто не в силах с ними конкурировать. Достаточно указать на деятельность НАТО на Балканах, чтобы было ясно, о чем идет речь.

Несколько поутихли разговоры вокруг докладов Римского клуба, но ведь проблемы, поднятые в них, остались. Индустриальное давление современной цивилизации на природу ничуть не ослабло. Сохраняющаяся бесконтрольность и неуправляемость этого процесса очевидна и объяснима. Сегодня по-прежнему основным двигательным началом развития цивилизации остается так называемый consumerism, потребительство. Стоит только включить телевизор в Нью-Йорке, Париже, Москве, как становится понятным, что все движется вокруг купли-продажи, а здесь соображения отдаленной перспективы не участвуют в практическом расчете. Полезно то, что выгодно здесь и сейчас.

Негативные процессы мирового развития происходят на фоне растущей пропасти между богатством и нищетой. Соотношение доходов богатых и бедных, «золотого» и нищего миллиарда не только не уменьшилось, но стремительно возросло с 13 : 1 в 1960 году, до 60 : 1 в 1999, что также не прибавляет устойчивости мировому сообществу.

Во всех этих процессах не последняя роль принадлежит политике. Общественная жизнь лишь в первом приближении напоминает беспорядочное движение частиц в луче света. В этом броуновском движении есть свои зависимости, тенденции и направляющие усилия. Давно и справедливо политика считается основным инструментом воздействия на общественную жизнь. Она в известном смысле являет собой сознательное начало в общественном развитии. Через нее осуществляется общее руководство общественными делами, в ней люди видят важную причину личных и общественных успехов или неудач.

Управленческие функции политики осуществлялись на всем протяжении существования человечества, однако только в наше время гораздо отчетливее, чем прежде, выявляются управленческие пределы политической власти. Это выражается, в частности, в кризисе доктринальных политических концепций.

Прошедшее столетие оказалось наиболее богатым на события и факты политического характера. Взятые в своей совокупности, они свидетельствуют, что в исторических рамках XX века человечество «отработало» практически все политические идеи, известные в философской и политической мысли от Аристотеля до наших дней. Политические доктрины либерализма, анархизма, консерватизма, марксизма, модернизма так или иначе, в той или иной мере, но прошли практическое опробование. Ни одна из них, воплощенная на практике, не осчастливила человечество. Мировое сообщество опробовало все известные современной политической науке формы правления и государственного устройства. Все известные политические режимы — демократический, авторитарный, тоталитарный или такие их разновидности как деспотический, тиранический, либерально-демократический, фашистский — также прошли историческую проверку и никто не скажет, что человечество сделало свой выбор. В этом смысле современная политическая теория переживает трудные времена, ибо не может предложить политической практике ни одной новой политической доктрины, окончательно запутывая ее всевозможными «пост» и «нео», которые, по существу, не прибавляют к уже известному ничего нового.

Потребность иного взгляда на феномен политики возникает и в связи с изменением прежних представлений об особенностях природы общественного развития. Политический кризис марксизма поставил под сомнение и его концепцию исторического развития. Формационный подход, выстраивающий события мировой истории в последовательное движение от низшего к высшему, от простого к сложному, опирающийся на представление о наличии неких закономерностей общественного развития, которые достаточно познать, чтобы наконец овладеть ходом истории, оказывается мало продуктивным в условиях современного динамичного развития общества, быстро меняющихся обстоятельств и

факторов общественной жизни. Марксистское понимание истории, как, впрочем, и гегелевское, выстроено в соответствии с научными представлениями своего времени. Мировоззренчески господствовавшая тогда ньютоновская картина мира пробуждала даже диалектически мыслящих ученых искать всеобщие закономерности общественного развития, выстраивать концепции этого развития в логически непротиворечивой и завершенной форме. Естественно, усилия, предпринимаемые в этом направлении, приводили к результатам, подтверждающим исходный тезис. Тайна мировой истории оказывалась, наконец, разгаданной, закономерности общественной жизни – понятыми. Однако, при всей глубине и грандиозности этих теоретических построений, заложенные в них претензии были чрезмерными.

Общество представляет собой сложноорганизованную, открытую, неравновесную систему, развитие которой носит необратимый и вероятностный характер. Повторяемость в природе такого развития весьма условна и относительна. В реальном процессе социальной эволюции постоянно возникают периоды, когда дальнейшее развитие принципиально непредсказуемо, ибо в значительной мере определено разного рода случайностями. Вообще, исторический процесс не следует представлять в виде единственной линии постоянно восходящего движения истории от менее к более совершенным формам существования, поскольку социальная динамика реализуется в самой невероятной последовательности: в форме круговоротов, спиралей и синусоид, пульсирующих волн, челночных бросков и произвольного, хаотического движения.

Нелинейность общественного развития требует особого отношения к управлению общественными процессами. Политическое управление, понимаемое в классическом смысле, весьма ограничено в возможностях учитывать мно-говекторность и неоднозначность социальных процессов, происходящих одновременно в разных областях общественной жизни, с разным содержанием, темпом, тенденциями движения. Для необратимых процессов, преобладающих в обществе, наиболее подходят методы моделирования, отслеживания событий, прогнозных оценок и т. п. приемов, ориентированных не на поиск идеалов общественного развития и реализацию утопических проектов, а на использование наиболее общих законов самоорганизации и самодвижения, способствующих развитию общества через эффективное решение возникающих проблем. Не случайно именно эта проблематика оказывается наиболее динамично развивающимся направлением в современной политической науке.

Общие элементы организации общественной жизни, характерные для европейской цивилизации на всем протяжении ее существования, сделали устойчивыми суждения о политике, высказанные еще в глубокой древности. Так же как и Аристотель, современная наука относит политику к области государственной деятельности.

В Толковом словаре В. Даля политика рассматривается как наука государственного управления: виды, настроения, цели государя, образ его действий и т. д. В современном английском толковом словаре под политикой понимается деятельность гражданского правительства, его планы и меры, особенно по реализации собственных интересов. Французский энциклопедический словарь Ля-руса считает, что политика есть искусство, доктрина о государственном правлении, а также деятельность тех, кто управляет или хочет управлять делами общества. Хорошо известно на этот счет высказывание В. И. Ленина, который также был убежден в том, что политика есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства. Все это, несомненно, правильно и обосновано общими признаками развития европейской цивилизации. Вместе с тем, современное понимание политики все более склоняется к преодолению классического толкования феномена как участия в делах государства, направления его деятельности и поиска новых государственных форм. Этому способствовали научные открытия известного французского этнографа и социолога Клода Леви-Стросса, идеи немецкого юриста и политолога Карла Шмитта о различении политического и государственного, а также практические особенности политического

развития современного общества. Наше время богато событиями, которые не укладываются в привычное понимание политики, где политическое зримо не совпадает с государственным. Например, такой пронизательный философ как Мамардашвили утверждал, что при советской власти в нашей стране отсутствовала политика, а сегодня мы сами видим, что при фактическом отсутствии государства в обществе всецело господствует политика. В несводимости политического к государственному убеждает и то, что политика проявляет себя не только в борьбе за государственную власть, но и за ее ограничение или даже за освобождение от этой власти.

Развитие политической теории и практики вскрывает иные аспекты феномена политики. Прежде всего политика представляет собой атрибут, неотъемлемое свойство природы человека и общества. Она рассредоточена по всему пространству общественной жизни, а не принадлежит исключительно государству, его органам и обслуживающим государственный интерес лицам. Более того, политические процессы складывающиеся «внизу», у самого основания социальной пирамиды, в самой гуще народных масс наиболее важны и значимы с точки зрения вероятности грядущих перемен. В конечном счете, именно от того, что думают, на что рассчитывают, какими идеалами и надеждами живут простые люди, в решающей степени зависит судьба любого политического режима, крепость государства. Понимаемая таким образом, политика пребывает неустрашимым и постоянным спутником общественного развития, сохраняя всякий раз собственную основу и изменяясь в проявлениях.

Кроме того, пространство политики – это всегда область действия частных интересов. Стремление преодолеть негативные последствия проявления политической сущности породило в свое время институт государственности и присутствует в современных государственных формах в качестве основного противоречия между декларируемым всеобщим и реально действующим частным интересом. Об этом прямо говорит несовпадение намерений и результатов в политике, ставшее в некотором смысле законом политической практики.

В известном смысле политическое руководство по самой своей природе фатально тяготеет к историческим ошибкам, просчетам и заблуждениям. Собственная природа политики такова, что выражающая ее политическая власть неизменно увлекает общественное развитие прочь от всеобщего, от саморазвития, навязывая всякий раз идеалы, стремление к которым неизбежно приводит к очередному тупику, кризису или тотальному конфликту. Даже тогда, когда политическая власть работает на исторически складывающуюся тенденцию, она действует, в конечном счете, во вред, ибо становится на скользкий путь игнорирования альтернатив, ведущий к формированию системы произвола и насилия.

Презумпция исторической виновности политической власти объективно определяется имманентными характеристиками властных отношений:

- данные отношения всегда тяготеют к концентрации и единовластию, и только сопротивление этой тенденции приводит к исторически конкретным формам властвования;
- народ и власть не совпадают по определению, пока их взаимоотношения разворачиваются в политической системе координат;
- идеал народовластия никогда и нигде не был практически осуществлен, а проблема механизмов его осуществления до сих пор убедительно не решена даже теоретически;
- любая приходящая к власти группа, которая может стать началом нового политического курса, режима и даже всей системы политических институтов, подменяет интересы народа своими собственными представлениями на этот счет;
- парадоксальность политической власти заключается в том, что идеально народная власть вправе рассчитывать на доверие к ней, но народ может рассчитывать на идеальную власть только при постоянном недоверии к властвующим.

Принцип презумпции виновности политической власти считает моральным такое отношение к ней, когда любой ее представитель изначально воспринимается критически, а

само стремление к власти вызывает устойчивое подозрение со стороны общества. Данный принцип не следует воспринимать как антигосударственную позицию. Государство в качестве современного политического института достаточно убедительно доказало целесообразность своего существования. Вопреки существующей концепции отмирания государства по мере общественного развития, действительность демонстрирует усложнение его внутренних функций и усиление роли в международном сотрудничестве.

В обозримой исторической перспективе убедительных признаков отмирания государства не просматривается, но в то же время совершенно очевидна возрастающая необходимость подконтрольной деятельности государственного аппарата. Критическое отношение к государству, определенное недоверие к его политическим декларациям и практической деятельности позволяет нейтрализовать негативные тенденции, присущие развитию собственной природы государства, а также вовремя скорректировать, подправить или изменить содержание политического курса. Естественно, что субъектом такого отношения к государству выступает прежде всего гражданское общество. От его общеполитической зрелости и степени развития собственных институтов в конечном счете и зависит состояние подконтрольности государственной власти.

Нетрудно заметить, что взаимодействие государства и гражданского общества в предложенном контексте вполне допускает его функционирование в режиме открытого или потенциального конфликта. Есть ли достаточные основания для какого-то беспокойства по этому поводу?

Вообще говоря, конфликт и политика самым тесным образом взаимосвязаны друг с другом. По происхождению, процессу развития, основным социальным последствиям и многим другим факторам они как бы дополняют друг друга, всякий раз теряя смысл в случае изолированного существования. В самом деле, чем была бы политика, исчезни из общественной жизни всевозможные конфликты? Безвольная и аморфная, она скорее всего утратила бы внутренний смысл своего существования и постепенно угасла, не найдя себе оправдания. Только неисчезающие конфликты всегда держат политику в тонусе, в постоянной готовности немедленно включиться в решение социальных проблем, высвеченных назревающим конфликтом. Однако архетипические особенности взаимосвязи конфликта и политики в национальном сознании отдельных народов или содержании конкретных культур выглядят различающимся образом.

XX век грядущие поколения будут рассматривать как наиболее воинственный и жестокий. В этом столетии впервые войны стали вестись в мировом масштабе. Большая часть времени прошла в обстановке изнуряющего противоборства двух мировых систем. На вооружении ведущих держав оказались самые страшные средства массового поражения и под конец столетия многие страны испытали на себе еще мало изученное воздействие информационных технологий весьма разрушительного свойства.

Россия оказалась в гуще мировых конфликтных событий. Крайнее обострение внутренних социальных противоречий в начале столетия, две мировые войны, самая грандиозная в истории по радикализму преобразований социалистическая революция, гражданская война вместе с иностранной интервенцией, конфликтные, по существу, преобразования советских лет в экономике, сельском хозяйстве, культуре, идеологии, образовании, воспитании. И, наконец, под занавес столетия, редкий по политическому цинизму лжи и всеобщей продажности период последнего десятилетия так называемых демократических реформ, вызвавших шквал непрекращающихся конфликтов.

Уходящее столетие, в плане конфликтного воздействия на сознание нации, является, бесспорно, самым существенным за все время ее существования. Однако и сегодня, по сравнению с европейскими народами, мы остаемся в восприятии конфликта народом в некотором смысле архаичным, с неизжитыми предрассудками на этот счет, порой излишне беспечными и доверчивыми.

Наше отношение к конфликтам и поведение в них формировались на протяжении тысячелетий, и в XX век мы вполне понятно вошли уже с определенным конфликтным

менталитетом. Важнейшей отличительной особенностью этого менталитета является подсознательное неприятие конфликта. Если позволительна такая аналогия, мы обладаем характером неконфликтного человека. Психологи знают, что есть люди, которые только и живут в атмосфере конфликта, чувствуют себя в нем как рыба в воде. Они как бы излучают повышенное конфликтное напряжение, ауру конфликта. А есть люди, которые, наоборот, всячески сторонятся конфликта, избегают его даже тогда, когда с его помощью можно было бы многого добиться. Так вот, мы, как народ, больше похожи на этого второго человека. Хотя мы сейчас и повторяем известную аксиому современной западной конфликтологии о том, что конфликт – это норма, на самом деле для нас конфликт – далеко не норма, он все еще остается аномалией. Для такого отношения к конфликту есть определенные исторические основания.

Прежде всего, это доставшаяся нам огромная территория. У наших предков всегда была возможность уклониться от нежелательного столкновения с противником, раствориться в бескрайних и безлюдных степях, укрыться в лесах или болотах. Эту возможность они не раз использовали к своей прямой выгоде. Историки описывают многочисленные случаи, когда завоеватели отказывались от своих первоначальных планов разгромить славян в решающем сражении только потому, что отчаивались найти противника в бескрайних российских просторах. Известно ошеломляющее впечатление, которое произвела на Наполеона оставленная населением и властью Москва. По европейским понятиям совершенно невозможно было занять вражескую столицу и не одержать военной победы.

Уместно в этой связи также вспомнить оригинальную тактику, которую в прошлом использовали против русских кочевые племена и народы. В своих частых набегах на Русь, например, татары, не рассчитывая на успех прямого столкновения, стремились тайно пробраться как можно дальше в глубь русской территории. Только после того, как они оказывались замеченными, они принимались открыто действовать и угоняли на свою территорию женщин, трудоспособных мужчин, домашних животных, то есть все то, что могло представлять хоть какой-то интерес. Вынужденные селиться небольшими поселками на обширной территории, славяне, конечно, не могли оказать достойного отпора даже сотне-другой вооруженных грабителей, поэтому и жилища свои они издавна устраивали со многими выходами, чтобы легче было уйти от внезапного нападения.

Вторая причина неприятных переживаний перед конфликтом, всяческого оттягивания его начала заключается в исторической особенности нашей государственности. Начиная с XV столетия, она решительно и вплоть до наших дней обрела форму жестко централизованного устройства. На протяжении столетий государство, персонифицированное в чиновничестве, как действительный Левиафан было растворено в пространстве общественного бытия. Не было такого конфликта, где бы государство не стремилось сказать своего решающего слова. В каждом более или менее значительном социальном конфликте государство выступало «сам третьей», причем, так сказать, с решающим голосом, не оставляя конфликтующим сторонам никакой надежды обойтись собственными силами. Поговорка «вот приедет барин, барин нас рассудит» отразила устойчивый стереотип русского крестьянина, ставший для поколений конфликтным стереотипом нации.

Следующей особенностью, прямо связанной с предыдущей, является традиционно чрезмерная идеологизация отношений конфликта. Подлинные интересы противоборствующих сторон у нас очень часто оказываются скрытыми, а легализованными становятся различные, порой несуразные идеологические мотивировки. Примеров множество со времен Ивана Грозного (переписка с Андреем Курбским) до наших дней. Из современных событий можно вспомнить известный социальный конфликт в г. Новочеркасске в 1962 году. Материалы дела показывают, что никакой угрозы советской власти тот конфликт не представлял. Он возник и развивался на совершенно неполитической основе. Однако традиционно этот конфликт получил крайне идеологизированную оценку, и в соответствии с этим были приняты несоразмерно жестокие меры.

Наконец, можно вспомнить содержание господствующей в стране православной веры. Православие – наиболее располагающая к смирению разновидность христианства. Терпение – высшая православная добродетель, что также воспитывает покорность, нежелание отстаивать свои интересы посредством конфликта.

Все это вместе взятое, – а можно назвать еще ряд обстоятельств общественного бытия, например, общинность как господствующую норму производственной и бытовой жизнедеятельности, – порождало то особое отношение к конфликту, которое так характерно для русского народа. Долготерпение, нежелание идти на конфликт, готовность ради этого стойко переносить всевозможные лишения, притеснения и невзгоды, в свою очередь, порождало и особое поведение в конфликте. Слова великого поэта о том, что нет ничего ужаснее русского бунта – «бессмысленного и беспощадного» – отражают, может, в крайней форме, характерную черту – резко переходить от долготерпения к бунту. Прав был и Максимилиан Волошин, отметивший, по существу, ту же особенность: «Европа шла культурой огня, А мы в себе несем культуру взрыва... Поэтому так непомерна Русь и в своеволии, и в самодержавьи».

Русское население не имеет западных традиций устойчивого пребывания в состоянии конфликта, порождающих отношение к нему как к социальной норме. В европейских странах, где история приучила людей к атмосфере перманентного конфликта, свободе открытого противостояния сторон, у населения сложились устойчивые традиции индивидуализма как реакции на необходимость сохранить себя в постоянном поле конфликтного напряжения. В отличие от них, русский характер еще живет грезами братского единства, доверчивости, которые и по сей день питают идеи соборности, мессианства, особой роли и предназначения России к спасительному объединению всех народов. Эти черты национального характера значительно осложняют положение России в условиях глобально нарастающей конфликтное™ и предъявляют особые требования к политической мудрости нынешнего руководства.

«Будущее скрыто от человеческого взора, – писал И. А. Ильин. – Мы не знаем, как сложится государственная власть в России после большевиков. Но знаем, что если она будет антинациональной и противогосударственной, угодливой по отношению к иностранцам, расчленяющей страну и патриотически безыдейной, то революция не прекратится, а вступит в фазу новой гибели...»

Все условия «в России после большевиков», о которых предупреждал И. А. Ильин, воплотились в практике политического руководства за последние 10 лет поразительно совпадающим образом. Окажутся ли столь же пророческими его слова о грядущей революции и фазе новой гибели? В контексте того времени – уже нет, в новой исторической перспективе – вполне возможно.

Россия – огромная страна. Причинно-следственные зависимости процессов, формирующихся на ее просторах в сознании многомиллионного населения, вызревают не вдруг, не сразу. Здесь «крот истории» копает медленно. Упущенная возможность вовремя предупредить нежелательный ход развития может оказаться фатальной причиной трагических событий, когда разгул стихии уже не остановится перед запоздалым, опомнившимся стремлением что-то изменить в обществе к лучшему. В нашей истории это происходит нередко. Не случайно именно наш соотечественник интуитивно постиг встречающуюся закономерность. Ф. И. Тютчев в письме к А. Д. Блудовой от 28 сентября 1857 г. писал: «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению. Тогда-то Людовики шестнадцатые и расплачиваются за Людовиков пятнадцатых и Людовиков четырнадцатых».

Порой нам кажется, что в истории все зависит от воли и побуждений власть предержащих. В известном смысле это действительно так (без них не обходится), и политика дает в этом отношении множество убедительных фактов. Но не менее справедливо и прямо противоположное убеждение: «предмет истории есть жизнь народов» (Л. Толстой).

В политической практике повседневности решающее влияние на качество общественной жизни и направленность исторического развития оказывает конкретное соотношение, складывающееся между правящей властью в лице вождей, лидеров, элит, госаппарата и массой (населением, народом, трудящимися и т.п.). Чем больше разрыв между этими участниками политического процесса, а значит и преимущественное влияние одной из сторон, тем непредсказуемее ход истории, тем вероятнее злоупотребления властью, перекосы в политических приоритетах, тупики в общественном развитии, политические кризисы и социальные катастрофы.

Все или почти все трудности решения социально значимых проблем современной России вытекают из политической беспомощности гражданского населения. За годы советской власти (да и не только) люди в нашей стране привыкли к политическому и гражданскому иждивенчеству, привыкли жить по указке «сверху», привыкли к тому, что сознательная гражданская позиция, политическая активность и самодеятельность считаются чем-то редким, специальным, необязательным для рядового гражданина, а порой даже вредным и осуждаемым, особенно со стороны властей. Политическая пассивность и беспомощность в отстаивании собственных интересов приводит к общим для всей страны негативным последствиям. Атрофия гражданских качеств откровенно мстит чиновничьим произволом, беззаконием, упадком жизненного уровня большинства населения, их неуверенностью в завтрашнем дне.

Избирательные кампании последнего времени на разных уровнях фиксируют одну общую особенность – существенную роль на выборах и влияние так называемого административного фактора. Интересно, что западные аналитики даже не сразу понимают, о чем идет речь. Им и в голову не приходит, что беспардонное вмешательство в избирательный процесс «начальства» может иметь соответствующие его интересам последствия и желаемые результаты. Для западных демократий это невозможно, ибо вскрытое воздействие на ход избирательного процесса в интересах действующей власти способно привести только к прямо противоположному результату.

У нас иные традиции. Однако и в нашей стране ресурс административного влияния на результаты выборов не безграничен. Каждый новый успех действующей власти в использовании этого ресурса лишь отдаляет в стратегическом смысле власть от народа, увеличивает пропасть между ними. В народной массе вызревают, возрождаясь, иные, в отличие от декларируемых, стереотипы политической аксеологии и поведения. Нарастает общее недоверие к власти, неверие в способность демократическими методами отстоять и защитить свои интересы, глухое недовольство и брожение в умах, что в своей совокупности вновь ведет к известным в нашей истории событиям: либо к бунту, либо к поддержке очередного диктаторского режима. И то, и другое сродни революции по своим последствиям, и то, и другое чревато новыми социальными потрясениями, кризисами, а может и катастрофами, как о том предупреждал И. А. Ильин. Вся ответственность в существующей политической обстановке в нашей стране за возможность крайне нежелательного развития событий всецело ложится на плечи действующей власти, ибо народ оказался беспомощным помочь ей действовать во всеобщих интересах. Слишком велик предрассудок, что эта помощь: сводится лишь к одному – всецело доверять власти, всячески поддерживать ее начинания. В нынешних условиях, на современном этапе развития политических и социальных систем этого уже явно недостаточно. Политический опыт XX столетия показывает, что только критическое отношение к власти, постоянный контроль за ее деятельностью со стороны общественности и ее самодеятельных образований в состоянии предупредить подмену общего интереса частным, обеспечить более устойчивое развитие, избежать разрушительных конфликтов и социально опасных экспериментов.

